

Уязвимость —
это не слабость.
Это выбор сердца.
И я заставляю её
заплатить за него.

Цена УЯЗВИМОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МЕРИ М.

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мери М

Цена Уязвимости

<https://litres.ru/74358783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её с детства растили как принцессу мафии — красивую игрушку и разменную монету в мужских играх. День помолвки с нелюбимым женихом должен был стать очередной сделкой, но превратился в кровавую бойню. Жених мёртв, а на его месте стоит он — Данте Моретти, безжалостный дон итальянской мафии Чикаго.

Он явился не просто убить, а забрать то, что счёл своим по праву. Её. В мире, где правят сила и жестокость, он не спрашивает согласия. Он просто надевает кольцо на её палец, объявляя своей женой. Но что движет этим опасным человеком: расчётливое желание завладеть «принцессой» вражеского клана или тёмная, всепоглощающая одержимость? И сможет ли она остаться собой, когда её сердце начнет биться в ритме, заданном самим дьяволом?

Содержание

Глава 1. Мери	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мери М

Цена Уязвимости

Глава 1. Мери

— Ты до сих пор спишь?

Звонкий голос Даффи ворвался в мое сознание, безжалостно выдирая из липкой темноты сна. Она была моей лучшей подругой. Единственной, кому я позволяла видеть себя растрепанной и уязвимой. Но в такие моменты, на грани рассвета, когда тяжелые шторы еще не пропускали ни луча солнца, я была готова свернуть ей шею.

— Ну, Мери, — ее тон стал умоляющим, пальцы решительно сжали край шелкового одеяла. Она тянула его вниз, обнажая мои плечи для прохладного воздуха спальни. — Пожалуйста, вставай. Ты же знаешь, что будет.

Я знала. Знала слишком хорошо. И вроде не нуждалась в напоминании.

В голосе Даффи звенел неподдельный страх. Не за меня — за себя. Она моя служанка. Формально. Это слово резало слух, потому что оно совершенно не отражало того, что между нами было. Мы росли вместе в этом особняке из черного камня, делия секреты и слезы. Она самое дорогое, что у меня есть, мой якорь в этом мире, где за нашу дружбу её

могли бы наказать. Если я не встану, отвечать придется ей. Таковы правила, безжалостные и несокрушимые, как законы подземного мира, к которому принадлежала моя семья. Хотя семья — это громко сказано.

— Который час? — проворчала я, переворачиваясь на другой бок. Мышцы все еще ныли после вчерашней тренировки с Лукой, и каждое движение отдавалось тупой болью. Мне хотелось лишь одного: чтобы мир подождал еще немного, чтобы реальность, полная обязательств и грядущего кошмара, отступила.

Но Даффи, как и все в этом городе, знала, что время — это роскошь, которую мы не могли себе позволить.

— Почти шесть, — выдохнула Даффи, и в ее голосе послышалось едва уловимое облегчение. Она знала: если я начала задавать вопросы, значит, самый опасный момент миновал. — Николай Петрович вернулся час назад. И Владимир с ним.

Сон слетел с меня мгновенно, будто кто-то выдернул чеку из гранаты, оставив лишь оглушительную, звенящую пустоту. Сердце пропустило удар, а затем забилось где-то в горле, удушливое и тяжелое. Владимир. Одно это имя скручивало внутренности в тугой, ледяной узел. Мой будущий жених. Мужчина, которого дядя прочил мне в мужа с той самой минуты, как мой отец истек кровью на бетонном полу ангара. Мужчина, чей колючий, оценивающий взгляд я чувствовала на себе каждый раз, когда он появлялся в особняке.

Официальной помолвки еще не было. Но это ничего не значило. В нашем мире слово Николая Петровича было законом, высеченным на граните. А он уже все решил.

Я резко села на постели. Тонкий шелк простыней соскользнул вниз, и холодный воздух спальни коснулся обнаженных плеч. Даффи тут же метнулась ко мне, принимаясь поправлять подушки за спиной — ее движения были отточены годами службы, но руки предательски дрожали.

— Они ждут тебя к завтраку, — прошептала она, пряча глаза. Она знала. Знала каждую темную мысль, которая сейчас билась в моей голове, словно пойманная птица.

Николай Петрович. Мой дядя. Мой опекун. Мой тюремщик. Человек, который забрал меня в свой дом после смерти отца — якобы из милосердия. Но я слишком рано поняла, что милосердие здесь ни при чем. Я была активом. Разменной монетой в его большой игре. И Владимир — мой будущий муж — был ставкой, которую Николай Петрович намеревался сорвать любой ценой.

— Пусть ждут, — бросила я, но слова прозвучали пусто, словно выстрел холостым патроном. Мы обе понимали, что это бравада. Никто не заставлял ждать Николая Петровича. Его власть здесь была абсолютной, пропитанной кровью, страхом и старыми деньгами. А Владимир... что ж, этот человек с холодными глазами цвета балтийского льда и змеиной улыбкой внушал мне ужас куда более темный и первобытный. Он не просто ждал — он наблюдал. Всегда.

— Мери, не надо, — Даффи схватила мою руку, и ее пальцы оказались ледяными. Ее страх был реальным, осязаемым. Она-то знала, на что способны эти люди. — Не делай глупостей. Пожалуйста. Прошу тебя.

Я сжала ее ладонь в ответ, чувствуя, как внутри разгорается ярость. Ярость на дядю, который распоряжался моей жизнью, словно я была вещью из его коллекции. Ярость на Вадима, чье молчаливое присутствие давило на меня, как удавка, медленно затягивающаяся на шее. И горькую, обжигающую ярость на саму себя — за то, что я была беспомощна в этом жестоком, мужском мире, где женщины были лишь пешками.

— Ладно, — выдохнула я, отпуская ее руку и поднимаясь с кровати. Мраморный пол обжег ступни могильным холодом, но этот холод помог мне собраться. — Помогите мне одеться. Выбери что-нибудь красное. Пусть эти ублюдки знают, что во мне еще остался огонь.

Даффи слабо улыбнулась, но в ее глазах по-прежнему плескался страх. Страх за меня. Страх перед Николаем и его стальным кулаком. Страх перед Владимиром, чья репутация бежала далеко впереди него — шепотом в темных коридорах, кровавыми пятнами на чьих-то белоснежных рубашках. Этот страх и был нашим самым надежным союзником. Потому что он напоминал: в доме моего дяди нельзя терять бдительность. Ни на секунду.

В этом доме с женщинами никогда не считались. Это не

было открытием, ударом под дых или болезненным разочарованием — это была аксиома, с которой я, кажется, родилась. Истина, впитанная с молоком матери, умершей слишком рано, чтобы успеть научить меня чему-то, кроме смирения. Поэтому холодное, пренебрежительное отношение мужчин нашей Братвы никогда не было для меня сюрпризом. Как и для любой другой женщины в этом проклятом, жестоком мире, где наши жизни ценятся чуть меньше, чем патроны в обойме, и чуть больше, чем породистая лошадь.

Мужчины смотрят на нас сквозь призму собственности. Мы — не люди с душой, мечтами и сердцем, способным разбиваться на тысячу осколков. Мы — игрушки, искусно вырезанные из дорогого фарфора. Трофейные жены, чья красота лишь подчеркивает статус хозяина. Сосуды, драгоценные инкубаторы, единственное предназначение которых — вынашивать наследников. И ничего больше. Этот список исчерпывающий, и горе той, кто попытается выйти за его пределы.

Ни для кого в нашем замкнутом кругу не было секретом, что жены в нашей среде рожают детей каждый год. Без передышки, без жалости, без права спросить: «А хочу ли я этого?». Беременность, роды, снова беременность — и так до тех пор, пока измученное тело не откажется служить или пока смерть, сжавившись, не заберет женщину из этого бесконечного круговорота боли. Моя мать успела родить только меня. Один раз. И её тело, такое же хрупкое, как и её поло-

жение в доме моего отца, не выдержало. Она угасла, оставив меня одну в этом волчьем логове, так и не подарив отцу самого желанного дара — сына.

Именно на этой почве мой отец не смог удержаться во главе Братвы. Власть утекала сквозь пальцы, потому что у него не было наследника мужского пола, который встал бы рядом с ним и продолжил его дело. А завести женщину на стороне, любовницу, которая родила бы ему мальчика, он отказался. Из какой-то извращенной гордости или, возможно, из нежелания осквернять память моей матери, он остался верен призраку. Может быть, зря? Эта мысль, острая и запретная, часто пронзает мое сознание в минуты полного одиночества. Возможно, если бы у меня был брат, пусть даже бастард, моя жизнь не была бы такой серой и удушающе унылой. Возможно, на меня не давил бы так сильно груз несбывшихся надежд и тайных, невысказанных обвинений в том, что я родилась не того пола.

Мне уже есть 18 лет, но у меня нет возможности учиться по-настоящему. Настоящее образование — это роскошь для мужчин, которым нужно управлять империями. Мой удел — саморазвитие, строго дозированное и направленное в нужное русло. Хотя, опять же, тут как посмотреть. Мой арсенал навыков мог бы вызвать зависть у любой выпускницы элитного пансиона. Я свободно говорю на шести языках: русском, английском, итальянском, украинском, французском и португальском, — ведь жена Дона должна уметь поддержать бе-

седу на любом приеме и понимать речь потенциальных союзников или врагов. Мои пальцы летают по клавишам пианино и извлекают из скрипки звуки, способные исторгнуть слезу, — идеальный аксессуар для званого вечера. Ежедневно я провожу часы в обществе известных художников, оттачивая мазок кисти и понимание композиции. Ведь жена главы Братвы обязана уметь всё, чтобы быть живым произведением искусства в его коллекции. Не так ли?

Но, конечно, я никогда не стану среднестатистической женой, скажем, обычной русской семьи. Мои руки не узнают запаха лука на разделочной доске, я не буду стоять у плиты и намывать полы. Моя жизнь лишена этого простого, унижительного, но в чем-то даже свободного труда. Моя задача гораздо изощреннее. Она заключается лишь в том, чтобы быть идеальной гейшей в золотой клетке: ублажать своего будущего Дона во всех смыслах, быть его молчаливой опорой, не стареть раньше времени, не перечить и, подобно породистой кошке, рожать ему мальчиков. Много мальчиков. Ах, да. И, разумеется, пару девочек. Зачем, спросите вы? Чтобы у Дона была разменная монета для урегулирования конфликтов. Это гениальная и чудовищная в своей циничности система. Начинается война, которая уносит сотни, а то и тысячи жизней, заливая улицы кровью и пеплом. И самый простой, самый элегантный способ положить ей конец — это свадьба. Мою будущую дочь, такую же пленницу судьбы, как и я, просто отдадут в дом врага. Её тело станет печатью на мирном

договоре, мостом через пропасть ненависти. Удобно, правда? Пиздец, как удобно.

И да, я знаю, что сквернословие — это грех. Тяжкий, непростительный для девушки моего положения. Подобные грязные, рубленые слова вы никогда не услышите из уст благородных жен. Мы — фарфоровые куколки, из которых вытекает только мед и молоко, а не горечь и желчь. Мы шепчем молитвы, а не проклятия. По крайней мере, вслух. Но мои мысли — это последнее убежище, которое у меня не смогли отнять. И в этом убежище я могу называть вещи своими именами.

Мои туфли стучали по мраморным ступеням, и этот звук эхом разносился по огромному холлу — размеренный, глухой, похожий на биение сердца приговоренного к казни. Лестница была произведением искусства: белый итальянский мрамор с серыми прожилками, кованые перила с позолотой, хрустальная люстра над пролетом, которая стоила больше, чем годовой бюджет небольшой компании. Дядя всегда любил роскошь. Он купался в ней, упивался ею, выставлял напоказ, словно дорогую шлюху на аукционе. Жить не по средствам было его вторым именем, его религией, его главным грехом и единственным удовольствием.

Но на меня он денег жалел.

Я давно перестала обижаться на это. Обида — удел тех, у кого есть надежда. А я свою надежду похоронила много лет назад, в тот самый день, когда дядя впервые дал мне понять,

что я здесь не семья. Я — обуза. Инструмент. Актив, который однажды принесет прибыль. Мои платья никогда не были от кутюр, мои украшения — лишь дешевая бижутерия, которую он позволял мне носить, чтобы не позорить фамилию. Даже комната, в которой я жила — самая дальняя в восточном крыле, — была обставлена остатками мебели, которую он счел недостойной собственных покоев.

Я привыкла. Привыкла экономить на себе, привыкла улыбаться, когда хотелось кричать, привыкла быть тенью в собственном доме. Но это не делало боль менее реальной. Просто она стала фоновой — как шум старого холодильника, который уже не замечаешь, пока он не выключится.

Я спустилась на первый этаж, и в нос ударил запах. Тяжелый, металлический, удушающий. Порох, смешанный с кровью — этот аромат я узнала бы из тысячи. Он вьелся в стены особняка, в тяжелые портьеры, в персидские ковры ручной работы. Иногда мне казалось, что даже еда здесь имеет привкус железа. Было всего лишь восемь утра — слишком рано для насилия по меркам обычных людей. Но мое окружение обычным не было. Здесь, в мире русской братвы, кровь проливали в любое время суток, не сверяясь с часами. Смерть не имела расписания.

Я поморщилась, прикрывая нос рукой, и тут же одернула себя. Не показывать слабость. Никогда. Ни при ком. Это первое правило выживания в доме Николая Петровича.

«Когда-нибудь я избавлюсь от этого, — подумала я, осто-

рожно ступая по мраморному полу в направлении столовой. — Когда-нибудь я проснусь в доме, где пахнет кофе и свежей выпечкой, а не смертью».

Ложь. Я лгала себе, и мы обе это знали — я и та часть меня, которая еще не до конца онемела. От судьбы не сбежишь. Моя судьба была предрешена в тот момент, когда мой отец сделал свой последний вдох. Может быть, даже раньше — в тот момент, когда он впервые связался с братом, не понимая, что этот союз будет стоить ему жизни. А мне — свободы.

Я толкнула тяжелую дубовую дверь столовой и вошла. Разговоры мгновенно стихли.

— Мери, прекрасно выглядишь, — протянул Владимир, и его голос скользнул по моей коже, словно маслянистая, липкая субстанция, от которой невозможно отмыться.

Он сидел на том же месте, что и всегда — справа от дяди, вальяжно откинувшись на спинку стула, и его светло-серые глаза медленно, методично прошлись по моему телу. От туфель на низком каблуке — единственных приличных, что у меня были, — до скромного выреза темно-красного платья, которое я носила уже третий год, потому что дядя отказывался выделять деньги на обновление гардероба. Взгляд Владимира задержался на моей груди, затем на талии, затем на бедрах, и я физически ощутила, как он раздевает меня, слой за слоем, не торопясь, смакуя каждую деталь.

Он уже представлял нашу первую брачную ночь. Я видела это в том, как подрагивали уголки его губ, как расшири-

лись зрачки, поглощая серую радужку, как его пальцы медленно поглаживали ножку бокала — собственническим, интимным жестом, от которого к горлу подкатывала тошнота.

Я же думала о том, где найти веревку и мыло. И о том, что в этом чертовом особняке даже сарая нет — я проверяла. Дядя снес все хозяйственные постройки еще пять лет назад, чтобы расширить гараж под коллекцию автомобилей, которые он разбивал с завидной регулярностью. Очень жаль. Очень.

— Всем доброе утро, — произнесла я ровным, безжизненным голосом.

Мои движения были отточены годами практики до автоматизма. Я двигалась, словно заводная кукла: спина прямая, подбородок вздернут ровно настолько, чтобы не выглядеть вызывающе, руки сложены перед собой. Дворецкий Билли — сухой, молчаливый старик с лицом, не выражавшим эмоций последние лет сорок, — бесшумно отодвинул для меня стул. Я села, расправив юбку, и подняла глаза.

Прямо напротив меня сидел Владимир.

Я сама выбрала это место полгода назад, когда поняла простую истину: дышать перегаром Николая Петровича, который к завтраку уже успевал опрокинуть пару стаканов виски, было куда хуже, чем выдерживать голодное внимание жениха. Дядя пил. Пил много, пил часто, и запах, исходивший от него по утрам, был настолько густым и едким, что у меня начинали слезиться глаза. Вадим, по крайней мере, пах до-

рогим парфюмом и выдержкой. Холодной, расчетливой выдержкой хищника, который знает, что добыча уже в клетке.

— Завтра благотворительный вечер, — произнес Владимир, и это прозвучало как приговор. Не вопрос. Не предложение. Факт, не подлежащий обсуждению. — По случаю нашей помолвки.

Он сказал это так буднично, словно речь шла о погоде или котировках акций. Нашей помолвки. Эти два слова резанули меня изнутри, оставляя кровоточащие раны, которые никто не увидит, потому что я давно научилась прятать боль за вежливой улыбкой.

— Я помню, — ответила я, растягивая губы в той самой улыбке — застенчивой, кроткой, идеально выверенной. — Спасибо.

«За что? — билось в голове. — За то, что превращаешь мою жизнь в ад? За то, что покупаешь меня, как племенную кобылу на аукционе? За то, что завтра я стану твоей собственностью официально, с кольцом на пальце и цепью на шее?»

Я представила сарай. Темный, пыльный, с балками под потолком. В моем воображении он был идеальным убежищем — местом, где можно спрятаться от всего этого кошмара, где веревка и мыло решили бы все проблемы раз и навсегда. Но сарая не было. А даже если бы и был — я знала, что не смогу. Не потому, что боялась смерти. Нет. Я боялась, что смерть окажется не концом, а лишь переходом в другую форму су-

ществования, где дядя и Владимир снова найдут меня.

Да кого я обманываю? От судьбы не сбежишь.

— Я отпросил тебя у Николая Петровича на сегодня,
— Владимир прокашлялся, прочищая горло, и его взгляд стал пристальным, требовательным. Он смотрел на меня так, словно я была интересной головоломкой, которую ему не терпелось разобрать по кусочкам. — Нам необходимо выбрать и купить кольца. Я подумал, что ты захочешь в этом поучаствовать.

Он подумал. Какая трогательная забота. Он, должно быть, гордился собой — великодушный жених, который позволяет невесте самой выбрать символ ее пожизненного заключения. Я почти рассмеялась. Почти.

— В этом нет необходимости, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально безразлично. — Я полностью доверяю вашему вкусу.

И это было правдой. Мне действительно было все равно. Какая разница, как будет выглядеть кольцо на моем пальце? Золото, платина, бриллиант размером с горошину или скромная полоска металла — суть не изменится. Это будет клеймо. Метка собственности. Напоминание о том, что я принадлежу ему — телом, душой и фамилией.

В тот же момент дядя резко поднялся из-за стола.

Его стул отлетел назад, проскрежетав по мраморному полу с таким отвратительным звуком, что я инстинктивно вжала голову в плечи. Николай Петрович навис над столом —

огромный, грузный, с налитым кровью лицом. И посмотрел на меня.

Этот взгляд.

В детстве он снился мне в кошмарах. Я просыпалась в холодном поту, задыхаясь, чувствуя, как он давит на меня — тяжелый, свинцовый, неумолимый. Не просто взгляд мужчины на женщину, не просто взгляд родственника на сироту. Нет. Это был взгляд хозяина на вещь, которая посмела проявить характер. Огромный булыжник, а не золото, проходил по моему телу, дробя кости, сминая волю, требуя подчинения.

Но в последнее время я перестала его чувствовать.

Это пугало меня больше, чем сама возможность наказания. Когда-то давно, в другой жизни, я прочитала книгу по психологии — тайком, под одеялом, с фонариком, потому что дядя считал подобную литературу «бабской дурью». Там говорилось о пяти стадиях принятия неизбежного: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Я прошла их все. Отрицание закончилось в четырнадцать, когда я впервые увидела, как дядя убивает человека. Гнев выгорел к шестнадцати. Торг был коротким и бесполезным — небеса не слушали молитв таких, как я. Депрессия растянулась на годы, тусклые и серые, словно затяжная зима.

А теперь наступило принятие. Опустошение. Пустота внутри, которую не заполнить ни страхом, ни надеждой, ни желаниями. Я стала похожа на дом, из которого вынесли всю

мебель — голые стены, эхо шагов и сквозняк, гуляющий по коридорам.

— Ты поедешь с Владимиром, — прорычал дядя, и его голос прозвучал как удар хлыста. — И выберешь кольцо. Сама. Это не просьба.

Я медленно подняла на него глаза. Мои собственные — голубые, как у покойного отца, но лишённые его огня — встретились с его пылающим гневом взглядом. Я не отвела их. Не опустила. Просто смотрела, чувствуя, как в груди медленно проворачивается что-то холодное и острое.

— Как скажете, дядя, — произнесла я тихо.

Это была капитуляция. Но в моем голосе не было страха. Только бесконечная, всепоглощающая усталость. Усталость от борьбы, которую я проиграла задолго до того, как научилась ходить.

Владимир улыбнулся — медленно, удовлетворенно, словно кот, который только что загнал мышь в угол. Его пальцы перестали гладить бокал и вместо этого легли на стол ладонью вниз — тяжелые, сильные пальцы человека, привыкшего брать то, что он хочет.

— Я заеду за тобой в полдень, — сказал он. — И мы выберем самое красивое кольцо, которое ты когда-либо видела.

Я ничего не ответила. Просто сидела, глядя в свою тарелку с нетронутой едой, и думала о том, что самое красивое кольцо в моей жизни — это то, которое я никогда не смогу надеть. Кольцо свободы. А его не продают в ювелирных ма-

газинах. Его вообще не продают. Его отнимают — или дарят те, кто имеет власть.

А у меня власти не было. Не было даже права голоса. Только веревка в воображаемом сарае, который существовал лишь в моем сознании — последнее убежище, последний выход, который я пока не решалась использовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.